

Н а т а л и я С и в о х и н а

24 СТИХОТВОРЕНИЯ

Н а т а л и я С и в о х и н а

24 СТИХОТВОРЕНИЯ

Im Werden-Verlag
Санкт-Петербург – Мюнхен
2017

ISBN 978-1-387-25064-6

© Сивохина Н. П., 2017

* * *

Д. В.

Не верилось, но под кожу вросло судьбой.
Краплённые карты выпали нам с тобой:
Чахоточный свет, тюремный гранит волны,
Пустые кварталы да ледяные сны.

Кому и не знать, как ночи теперь легки,
Как с площади зимней в небо уйдут полки,
В последнем каре построясь на «ать-два-три»:
Любуйся на них и голову задери.

Докурят, затушат, выбросят, выйдут вон.
Под дробь барабана, птичий кандальный звон,
И глина, и перекопанная трава
Налипнут на арестантские рукава.

* * *

В кафе полутемно. Сипит певица. Что видит этой ночью мойщик пола? Паркет и пятна, туфли и ботинки танцующих, осколок хрустала. Что видит музыкант? Свою виолу, кисть со смычком, и фартуки, и лица, и праздник, и фужеры, и подносы, и тусклый свет как в трюме корабля. Что видит алкоголик? Сон, в котором уродливый художник нас рисует, и скачет кисть над разбитной палитрой, и мир застыл, его искусство для. Но оживают шлюхи и лакеи, и шарят по карманам пальцы вора, и под бездарной копией картины храпит плебей усталый, как земля. Что видит мальчик? Самолёт и поле. И всё это с закрытыми глазами. Кольшутся податливые шторы. Смычок тоскует ниже этажом. Он навсегда остался в том, что видит, с воздушным змеем, рвущимся на волю, сбегая по цветочному узору, чтоб так и не проститься с миражом. Что видит под собой немецкий летчик? Мерцающую реку, тёмный город, и точки бегущих враспынную, и крыши в оглушающем пике. Мы навсегда остались в этой ночи: ошую смерти, взрыва одесную, а самолётик взмыл в тугое «завтра», а мир остыл в холодном кулаке. Что видел ночью старый дом парижский, распавшийся от авиаудара? Сначала тень, потом такую вспышку, которая на миг затмила небо, и стала им в свихнувшемся кино. И страшный грохот лопнувшего камня, и тень крыла. Убитого мальчишку. И сполохи проклятого пожара истории, которой всё равно.

И тёмные машины для убийства, и те, кто знать не знал в объятьях века о них, а у дверей качались ветки каштана, и чернел квадрат земли. Но в миг, когда ты бьешься смертной птичкой, прости, малыш – мы песня шансонетки, посмертный сон весёлого Лотрека – и мы ничем тебе не помогли.

* * *

Тысячу лет считая себя скалой,
Прочно стоял и чувствовал, как извне
Почва меня покрыла – за слоем слой,
Чтобы потом выращивать лес на мне.

Речка текла, следя за её волной
Звери неслись по залитым мхом камням.
Маленькие однажды пришли за мной,
Выломав, повезли к своим деревням.

Зря сквозь огонь пытался понять их речь.
Молот гудел. Я стал им под стать и так.
Бросили в воду после. Назвали «меч».
Кровью я жил. И с мёртвым упал в овраг.

Помню ещё, был дому и миру друг.
Славно трудился, с первой вставал звездой.
Люди меня тогда называли «плуг»,
Сеяли и ходили за бороздой.

В тигле кипел, по плоскому камню тёк,
Листика тоньше сделался, наконец.
И раскололся. Пот отерев со щёк,
Выковал гривну деве своей кузнец.

Всё поросло былём и в песок ушло,
Поле и дом, и молот на камне том,
Воздух прозрачен стал, что твоё стекло.
Время дрожит внутри как последний стон.

Ржавчиною в высокий курган просел.
Корни вросли в цветочном горячем сне.
Осенью не осталось меня совсем.
Ветер степной пришёл и запел во мне.

* * *

Так тает снег, летя во мрак двора.
Поймаешь – и ладонь от слёз мокра.
Последний лист, дрожа, что твой герой,
Спускается один в кленовый строй
И падает в пятно от фонаря –
Игрушечный солдатик ноября.

Так всё, на чём случайно пойман ты,
Утрачивает прежние черты.
Тогда глухая музыка извне,
Неловкие слова и двор в окне,
Путь от метро, которым ты домой,
Осенний ветер, этот лист смешной
Сбегают, как слеза, в воронку дня,
И вновь плывут по венам у меня.

* * *

Столько лет тебе, что хотя бы
Принесла уже в подоле...
По грибы всё ходила баба –
Приучала себя к земле.

Ну и та её привечала,
Разливала неяркий свет.
Вот и всё, начинай сначала.
Отпускай и молчи вослед.

* * *

Вот я и следом рыжая собака.
Упав в траву, любая тень двояка.
Трещит сучок, и вспархивает птица.
Проходит день – потом ночами снится.

Откель пришел, кого ты бросил, дядя,
Что изучаешь мох, под корни глядя,
Про всё забывший, на краю у лета?
Трава кругом примята... Нет ответа.

Тут каждый глух, петляя между кочек.
С ножом в руке и ничего не хочет.
Но помнит: там, за россыпью бузиной
Бредет двойник. А на локте – корзина.

* * *

Два рельса, ведущие в никуда,
Впадут в изумрудный мох.
И станут крапива и лебеда,
Пырей и чертополох.

Гремела дорога, но зацвела,
Когда проросли вдали
Кузнечика песенка, полумгла,
Рассыпчатый смех земли.

Тебе надоело искать врагов;
Налей его до краев,
Покосишь под осень тела грибов
У домика муравьёв.

Готова картошка, шипит лучок,
И тает остаток дня.
Срезай меня, глупенький грибничок,
Не вздумай жалеть меня.

МАРФА

Ибо благая доля, да не моя:
Слушать в тени олив, в полутьме жилья
Проповедь мира (яшма и хризолит).
Марфа, сестрица, сердце моё болит.
Что же, пойдём собирать урожай в саду,
Мыть и готовить в дымном своём чаду.
Вот чечевица, хлеб, виноград, кинза.
Вот на Марию смотрят Его глаза.

Ну, разливай вино, привечай гостей,
Раз уж глуха по части благих вестей.
Деревце, пересохшее на корню.
Вера, как блеф: имею, да не храню.
Так и замри, не отирая рук.
Бог засыпает, гаснут и свет, и звук.
Марфа смешна, во взгляде её вина,
Пряди её опутала седина.

П Р О В О Й Н У

Понарошечные врачи открывали йод.
Над домами надсадно каркало вороньё.
Несмертельная боль накатит, да и убьёт –
Если ты не придешь спасать меня от неё.

Как звенели дожди по горлышкам медных труб,
Как сносили ручьи наш парусный утлый флот...
До чего безнадежно каждый был смел и глуп:
Небывалый моряк, нестреляный ас-пилот.

Шли в атаку, да потерялись на полпути.
Отряхнули ладони: вот и пора домой.
Всё случилось, ты видишь, некуда нам идти.
Оттого-то и враг сегодня печален мой.

Полководец бездарный, список своих утрат
Никому не отдам, и, видимо, с ним умру.
Позабывтое имя шепча в голубой квадрат
С неизменной звездой, растаявшей поутру.

* * *

Отзывай сватов, Фатима-ханым.
Не грусти, сестра моя, не грусти:
Мальчик-праздник ходит по выходным –
Весь в расцвете своих сорока шести.

Приносивший розочку с пирогом,
Аккуратно складывая пиджак,
Он смертельным станет тебе врагом –
Перелётный ангел, самец, вожак.

Потаённо всхлипнет струна любви
Среди прочих равнозапретных тем.
Эта птичка – лови её, не лови –
Посещает нас собирать гарем.

Неземным сиянием окружён,
Он обнимет ноги твои в тоске.
Поувязнут звоночки детей и жён
В полинялых джинсах, что след в песке.

Он-то знает, где у тебя болит,
Потому под боком из года в год.
Адресат бессвязных твоих молитв,
Он сейчас подует и сам пройдёт.

Будешь мыть посуду, стирать бельё,
Ездить летом к морю или к реке.
И однажды боль твоя запоёт
На невнятном ангельском языке.

МИФ ОБ ЭДИПЕ

Разгадка была проста: не знаешь – не выбирай.
Ты юн, мой Эдип, и глуп, а боги нетерпеливы.
Ещё раскалённый диск не гаснет, упав за край
Обугленных чёрных скал, и мор не сошел на Фивы.

Ещё не спустился мрак на лучшую из земель,
Где голову кружит хмель, прекрасна как сон, царица.
Скажи мне, что здесь не так? Качается колыбель.
Оракул молчит, а жизнь вовеки не повторится.

Так гаснет далёкий свет. Ты стар, мой Эдип, и слеп,
Бреди по дороге в ад неловко и всё же прямо.
Ты знаешь теперь, что мир беспомощен и нелеп
В кромешной своей тюрьме, в свободе своей упрямой.

Из неба в полдневный зной рождается бирюза.
И носится детский смех. Припомни, сквозь грязь и жижу:
Счастливейшая из жён прикроет рукой глаза.
Смеётся Эдип: «Пусти, я так ничего не вижу».

* * *

В городе детства, где каждый из нас одинок,
Воздух морозный, разлуки негромкий звонок
Преображается, плачется звоном трамвайным.

Сбросить одежду, тянуть из бокалов вино,
Мы, прижимаясь друг к другу, уходим на дно
В сломанной лодочке памяти бликом случайным.

Жизнь ускользает дворами – поди догони,
Машет оттуда, забытому слову сродни,
Снегом летит с высоты нестерпимой и острой.

Просто обнявшись, над толщей растроченных лет
Молча смотреть из окна: замечается след.
Падают наискось хлопья на Каменный остров.

Ей бы остаться за литерой в стиле модерн,
Лёченной болью своих известковых каверн,
Лаской случайной, морозом и жаром по коже.

Сердце не помнит обиды, но все же болит.
Будешь листать эту летопись стёршихся плит –
Вспомни, пожалуйста, Господи, вспомни нас тоже.

* * *

Воздвиженка. Ломали старый дом.
Стена трещала прошлогодним льдом,
Бульдозером кирпич сгребали в груды.

Кренился герб, как на могиле крест,
И призраки не узнавали мест,
И стон стоял от Оптиной досюда.

Здесь жил Толстой. И чувствуя вину,
Мальчишки защищали старину,
А прочие не видели позора

В убийстве дома, что в брусчатку врос.
Полиция решала сей вопрос,
Ведя в ОП* ребят из Архнадзора.

Покрыла пыль деревья и траву,
Босая тень бродила наяву,
Обломки дома обходя неловко.

Ладонью проводила по лицу,
Но подходил рабочий день к концу,
И шли со стройки палачи в спецовках.

* ОП – отделение полиции

Под вечер замирала суета,
Зияла непривычно пустота,
Лежала рухлядь, бывшая стеною.

В бреду металась старая Москва.
Стоял Иван, не помнящий родства,
И что-то разгоралось за спиною.

* * *

Здесь имярек лежит на теплых досках,
подставив солнцу хмурое лицо.
Сверчки бормочут, но прозрачен воздух,
и боль его смыкается в кольцо.
Невиданные синие стрекозы
играют по-над зеркалом реки.
И от стихотворения до прозы
по-прежнему каких-то полстроки.

Вот он встает с мостков, в глазах как в окнах
отражены то мир, то пустота.
Нырять в воду. Испугался окунь,
плеснув, таится в иле у моста.
Изъедена душа до червоточин,
почти наполовину жизнь прошла.
Чего он потерял в воде проточной,
в изгибах цвета тёмного стекла?

Одна секунда, а потом другая,
он, оттолкнувшись, вынырнет со дна:
Смотреть на лес, где звери пробегают,
и заново давать им имена.

* * *

Сползая по вьюнкам зелёным,
Ложится солнце на мостки.
Три женщины плывут в червонном
Дрожащем золоте реки.

Ещё одна на берегу и
К ней от воды несётся смех.
Ищи полвека жизнь другую,
Всё выпадет одна на всех.

Калитку древнюю открыли,
Прошли сквозь чей-то огород,
Нырнули в Лету. Всё забыли.
Жара стоит и лес плывёт.

П О С Ё Л О К

Воздуха столько, что пьянеешь, сжимая виски.
Здесь под окном ночами грохочут товарняки.
Разрушены клуб и мельница, больше простора, меньше жилья.
Вспоминаешь прошлое словно чужое: не про меня, не я.

Так говоришь неслышно ночи и соловью:
Не отмотать обратно чёртову жизнь свою,
Не исправить её ниоткуда. Время пойдёт своим чередом.
Бухой Витек заснёт с сигаретой, спалив деревянный дом.

Сосед зарубит соседку. Не мир, а крошечный мрак.
То ли киномеханик что-то включил не так,
То ли смертей в сценарии вышло слишком, и свет погас за стеной.
Но нет да вернутся первые кадры, вычеркнутые мной.

Видится полуявь в шуме прошедших лет.
Садимся на третий ряд мы, трубочкой мну билет.
Всем по каких-то восемь, жизнь несчастлива, солнечна, солоня,
Но это начало. В прокате кино про Раджу и его слона.

* * *

Дети на даче глупую развели.
«Жду тебя», – пишут – «Семечко для земли.
Кружит планета.
Паша.
Любовь чиста.
Встретимся у смородинного куста».

Гляньте, как полетела она во двор.
Сбиты коленки. Камешек, косогор.
Бабкины крики. Джемпер красивый: ведь
Лыбится олимпийский с него медведь.

Больше не верит мелкая никому,
Только пираты-рыцари потому.
Отзвуки драмы, маленькой и смешной:
Вроде забылось, а до сих пор со мной.

Вот самый грозный входит фрегат на рейд.
Вот самый взро... До колик хохочет Фрейд.
Множество лет, невнятное, как транслит,
Вместо коленок где-то в груди болит.

Что же мы это, зверем ревёт тоска.
Ты не спасёшь меня, бабушка, бабушка.
Речка течёт – змеинные рукава,
Светлая на могиле твоей трава.

* * *

Нарисуй пейзаж, а выходит мир.
Штрих под краской – реки из берегов.
Вот набросок: станция, дно, пунктир,
Человек из сонма моих богов.

Вот летят за окнами хоть куда
Городишки, просеки и поля.
Наверху невидная днём звезда,
Ожидает лоцмана корабля.

Вот экраны липких речей дрожат,
Заливая в уши слова, слова.
Ни за грош погибший лежит солдат,
И ещё не знает того вдова.

Вот эпоха войн и её гробы,
Вот глупцы, стоящие на пути.
Вот две точки – нашей с тобой судьбы,
Вот закат в дыму, как земля в горсти.

Отболело вроде бы и прошло,
Приходи хоть ночью, пока я сплю.
На тогдашнем небе с утра светло,
Я вчерашним сердцем тебя люблю.

* * *

В. Р.

И когда рассеется было нахлынув, мрак
И мотор заглохнет, и крона замрёт в окне,
Ты поймёшь бедолага, делалось всё не так,
Выбегая на встречную в полузабытом сне.

До последнего жил как мог, и держал как мог
Эту вязкую глушь, птичий шорох, больничный бред
Претворяя в слова, кольцуя в отраву строк,
Вот и всё, остальное теперь – пустота и свет.

Я тебя не зову, но слышу тебя в ночи,
Потому что помню, как щуришься ты, живой.
И когда пожимают плечами твои врачи
И, сутулясь, выходят – я слушаю голос твой.

* * *

А дворик как дворик – вот лунный диск, да облака стёртый мел.
Здесь птичек подкармливал брат Франциск – да так и окаменел.

Стоит он с животной своей семьей, все звери бегут к нему.
И вот, улыбается за скамьей, почти отступив во тьму.

Больница ощерилась прямо в ночь чистилищами палат.
Кому ты, сумеешь, монах, помочь, кого ты всё ждешь у врат?

БРЕДОВОЕ РЫБЬЕ

Камешек: абрис, плавник, чешуя-слеза...
Слышишь, нырни обратно, закрой глаза,
То не твоя забота – чужое горе.

Там что ни век, то голод, война, чума.
Донная рыба моя, не сходи с ума:
Твой океан иссяк, но осталось море...

Волны сшибаются, скалы молчат своё,
Жабры раскрыты, но хочется в забытьё
Кануть, как в воду, которая здесь повсюду.

Стать поплавком, качающимся в волнах,
Прошлую жизнь свою посылая нах –
Это почти нирвана, но ты не будда.

И Ж О Р А

Так колеблется тень на квадрате песка:
За слоями слои под резцом мастерка,
И ни клича тебе, ни напева.
Стынет ветреный вдох на границе времён,
Но песок на курганах не помнит имён,
Только «Дерево». «Фибула». «Дева».

Уложи её спать на иных берегах,
Закопай черепки с топориком в ногах,
Будто боги однажды отыщут
Там, в лесу, где вода необычна на вкус,
Безымянные кости под россыпью бус,
Молчаливое это жилище.

Плачь, владыка, не веря, что там вдалеке
Ты уходишь один в первобытной тоске,
Над тобою сгущаются пятна.
Как песку, тебе ведом ответ на вопрос:
Пляшет солнце в ветвях, словно в прядях волос,
Но никто не вернется обратно.

* * *

Потому что однажды захочешь совсем онеметь.
Пролетит паутинка, былинка, осенняя медь.
Что мне лето – черника в корзине и блик на руке –
Все токует на этом прозрачном своём языке?

Если, знаешь, живу я, как будто совсем не живу,
Уронив свои лучшие сны, точно ножик в траву,
Как в дурмане лесном, на каком на таком берегу
Говорить, говорить, говорить, говорить не могу...

В электричке трясясь, за перроном считая перрон,
Где попутчица едет и едет с чужих похорон
И джин-тоника банку всё не выпускает из рук,
Жизнь расскажет, и чуть не проедет, и выскочит вдруг.

Только мимо проносят клеёнки и ленты для мух,
И зачем только дура-душа обращается в слух...
От вещей, мелочей, как от звуков, болит голова.
И решения нет. Остаются пустые слова.

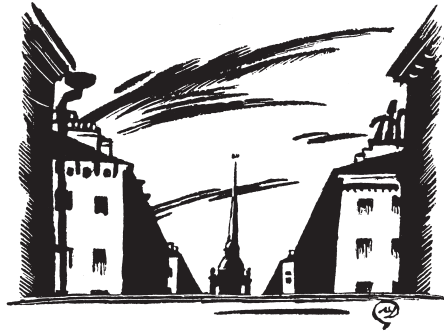
* * *

Когда не жалко больше никого,
И мячик-время скачет по асфальту,
И время-слёзы всё текут сквозь пальцы;
Река и катер, трубы и завод.

И трёт глазёнки плачущий малыш,
Подавленный своим ничтожным горем,
А сверху было небо – стало море,
Где острова вороны крон и крыш.

Кораблики бумажных облаков
Плывут в свою небесную Аляску.
И сны весной подёрнуты, как ряской,
И омут их глубок и незнаком...

А день перетекает во вчера,
Пускай никто-никто тебя не слышит.
Здесь май живёт, и ветер спит на крыше,
И яблоня цветёт в конце двора.

«НАРИСУЙ ПЕЙЗАЖ, А ВЫХОДИТ МИР...»

О стихах Натальи Сивохиной

Несколько лет назад один из лучших современных петербургских поэтов обронил: «Трагическое мирозерцанье / Тем плохо, что высокомерно». Поэзия Натальи Сивохиной опровергает это наблюдение. Она и трагична, и совсем не высокомерна. В ней дышит не только то дворянское чувство равенства со всем живущим, о котором говорил Пастернак, но и горячая мощь всеобъемлющего сострадания ко всему живущему.

Уже давно, слишком давно, после появления блистательных Екатерины Горбовской (конец 70-х) и Марии Игнатьевой (середина 90-х) я не встречал женских стихов столь высокой поэтической и человеческой пробы. Мы ведь, кажется, даже успели забыть, что одно без другого – поэтическое без человеческого – и не существует?

Наталью Сивохину петербуржцы знают как градозащитника и правозащитника. Где надо спасти исторический памятник, или выручить протестанта из отделения полиции, – там, скорее всего, ее и встретишь.

Она чувствует Петербург, как чувствуют родного, близкого человека. Так чувствовал его Завен Аршакуни, может быть, последний великий живописец этого города, чей невский пейзаж («чья-то картинка...») не случайно мелькнул вербальным эхом в ее стихотворении. Прочитую эти не вместившееся в книжку восемь строчек:

Осень – какая по счёту? – входи в эти двери:
Город распахнут, и город болеет дождями.
Листья, как жёлтые, красные, рыжие звери,
Небо над скверами, парками, очередами.

Знаешь, твоё немудрёное тоже проходит.
Как тебе это искусство казаться счастливой?
Чья-то картинка бежит по Неве теплоходик.
Сыро и ветрено: кажется, дует с залива.

Про город этот поэт всё-всё знает. И нашему незнанию удивляется:

...Кому и не знать, как ночи теперь легки,
Как с площади зимней в небо уйдут полки,
В последнем каре построясь на «ать-два-три»:
Любуйся на них и голову задери.

В мире, который на глазах становится всё более неодоушевленным, разве что слово поэта способно вернуть пейзажу чистоту живого дыхания.

Она задирает голову, чтобы видеть, как «...падает в пятно от фонаря – / Игрушечный солдатик ноября» и как ветер спит на крыше в летописи стёршихся плит за обветшалой современной литерой. И сквозь городской пейзаж проступает то, что из пейзажа давно исчезло – антропоморфные тени минувшей боли, скрытая скала, ставшая рудой, мечом и обручем, а потом и пустым пространством, в котором поёт ветер.

Наталия Сивохина нечасто публиковала стихи, и только в интернете. Но когда друзья, не спросив разрешения у автора, из опубликованного в сети тайно собрали этот сборник, оказалось, что перед нами – замечательный, такой необходимый нам всем стихотворец.

И мы пошли на преступление: напечатали эту книжку в двадцати четырех экземплярах. На титуле стояли слова «Пиратское издание». Электронная почта мгновенно перенесла эту первую ласточку по дружеским адресам: сразу же (и горячо!) откликнулись Михаил Яснов, Олег Хлебников, Григорий Кружков, Марк Харитонов, Борис Вишневский, Ольга Старовойтова, Николай Беляк, Марк Борнштейн, Константин Азадовский и Нина Аршакуни.

Мы хотели было сделать сюрприз Наташе на день рождения, но замучила совесть, и мы не удержались: показали верстку автору. Она не слишком сильно нас ругала. При том, что характер у нее железный: мне за месяц не удалось ее уговорить изменить строку (на мой вкус – формальную и глухую) в концовке одного из стихотворений.

Что-то она всё же поправила. Но сама. И Андрей Никитин-Перенский предложил выпустить книжку в его мюнхенском издательстве.

Стихов в этой книжке немного. 24 стихотворения, не считая процитированного мною выше. Но, похоже, эпоха поэтических имитаций постмодерна и механических подражаний Бродскому заканчивается. Живое, человеческое, то плачущее, то смеющееся русское слово, способное врачевать читательскую душу, – вот оно перед вами, во всей своей молодой красоте, во всем поэтическом обаянии.

Андрей Чернов
9 октября 2017

В КНИГЕ

Не верилось, но под кожу вросло судьбой...	5
В кафе полутемно. Сипит певица...	6
Тысячу лет считая себя скалой...	7
Так тает снег, летя во мрак двора...	9
Столько лет тебе, что хотя бы...	10
Вот я – и следом рыжая собака...	11
Два рельса, ведущие в никуда....	12
МАРФА (Ибо благая доля, да не моя...)	13
ПРО ВОЙНУ (Понарошечные врачи открывали йод...)	14
Отзывай сватов, Фатима-ханым...	15
МИФ ОБ ЭДИПЕ (Разгадка была проста...)	16
В городе детства...	17
Воздвиженка. Ломали старый дом...	18
Здесь имярек лежит на теплых досках...	20
Сползая по вьюнкам зеленым...	21
ПОСЁЛОК (Воздуха столько, что пьянешь, сжимая виски...)	22
Дети на даче глупую развели...	23
Нарисуй пейзаж, а выходит мир...	24
И когда рассеется было нахлынув мрак...	25
А дворик как дворик – вот лунный диск, да облака стертый мел....	26
БРЕДОВОЕ РЫБЬЕ (Камешек: абрис, плавник, чешуя-слеза...)	27
ИЖОРА (Так колеблется тень на квадрате песка...)	28
Потому что однажды захочешь совсем онеметь...	29
Когда не жалко больше никого....	30
<i>Андрей Чернов. О стихах Наталии Сивохиной</i>	32

Наталья Павловна Сивохина

24 СТИХОТВОРЕНИЯ

Составление

Григория Михнова-Вайтенко

Редактор

Андрей Чернов

Верстка

Наталии Введенской

В оформлении книги использованы гравюры
Мстислава Добужинского

